

Воскресный вечер
31. 10. 92

Эхо первого Международного фестиваля им. А. П. Чехова

Ототмар КРЕЙЧА:

«Настоящий театр каждый день начинается с нуля»

Одной пресс-конференции Ототмара Крейча нам не хватило. И по просьбе московской театральной общественности выдающийся чешский режиссер подарил нам еще два часа интереснейшей беседы о современном театре, Чехове, об антерах и нас, зрителях. Мы выбрали несколько фрагментов, которые, возможно, больше подготовят нас к следующему приезду мастера или во всяком случае позволят лучше понять «Вишневый сад» О. Крейчи, показанный на фестивале.

— Я не знаю, до какой степени я «прочел» Чехова. Он дает небольшой выбор для постановок, но если я и могу чем-нибудь гордиться в жизни, то только тем, что не поставил ни одной пьесы, которая бы мне не нравилась. Мы больше ста раз играли «Вишневый сад». Но вот перед московской премьерой репетировали маленькую сцену и снова выяснили, что кое-что упустили. Настоящий театр каждый день начинается с нуля.

Чеховский текст полон очень тонких «вещественных» указаний. И если вытаскивать их на поверхность, они точно рисуют характеристики персонажей. Ну, скажите, за чем именно в момент, когда Раневской приносят две телеграммы из Парижа, Гаев начинает свою бессмысленную тираду: «Дорогой, многоуважаемый шнап!...». Если взять линию Гаева в целом, видно: он боится скандалов. У его сестры скандальная репутация, и он постоянно настороже, он отводит очередной скандал. В первом же действии он разрешает мучительную паузу словами: «Поезд опоздал на два часа». В самом деле, не хотел же Чехов тем самым покрывать царскую железную дорогу!

Я ставил Чехова во Франции, в Германии, Швеции, Италии. Для каждой страны Чехов — необыкновенный каталогизатор. Каждый раз приходится считать не только с местной театральной традицией, но и с теми или иными национальными факторами. А я-то думал раньше, что все мы европейцы!

В «Комеди Франсез» и моя «Чайка», и «Три сестры» имели огромный успех. Меньший — у критики. Один академический критик даже написал: «Не отнимайте у нас нашего Чехова!». Французский Чехов — экзотический, «фольклорный», и французы каждый раз упорно хотят видеть именно такого Чехова.

В Швеции, где театру отведена дидактическая роль, меня обвинили в том, что я «плохо» ставлю Чехова, так как непонятно, кто у меня «хороший», а кто «плохой». Шведский Чехов наполнен тяжелыми, грустными шведскими эмоциями и мышлением. Это связано с тем, что шведы чувствуют себя «за воротами» Европы. Но весь фокус в том, что такие «комплексы», такие психологические заковыки очень подходят к Чехову. И, когда есть время и терпение, получается нечто чудное: Чехов с французской, чешской, итальянской, шведской окраской...

Самому же мне меняться не приходится — я не могу предложить два разных способа прочтения Чехова. Я лишь выискиваю в Чехове то, что наиболее органично для данных антеров. Чехов требует, чтобы антер любил своего героя, отдавал ему не только все свое мастерство, но и, простите, душу. В условиях современного театра это звучит почти смешно, но это так.

Крейчерова соната

На семьдесят втором году своей жизни прославленный чешский режиссер Ототмар Крейча, оказавший огромное влияние на театр 60—70-х годов, наконец-то показал свой первый спектакль в Москве. И это, конечно, событие! Художник, имя которого стоит в одном ряду с Висконти, Бруком, Стреллером, Бергманом, привез в нашу столицу «Вишневый сад» А. Чехова.

Судьба театра «Дивадло за Браноу» прекрасна и трагична. Открытый в 1965-м, через семь лет он был запрещен. Но за эти годы театр завоевывает мировое признание, а его лидер Ототмар Крейча признается выдающимся мастером. С 10 июня 1972 года, когда в пражском театре в последний раз игралась чеховская «Чайка», театральным домом чешского режиссера становится вся Европа, а родным остается Прага. Первой премьерой вновь открытого «Дивадло за Браноу II» стал «Вишневый сад».

Несколько удивило, что пьесы Чехова на фестивале играли только зарубежные театры. Но во всех трех спектаклях неожиданно звучал один и тот же чеховский мотив — предчувствия неизбежной беды России. Наиболее трезво и беспощадно сказал об этом немец Петер Штайн, несколько сумбурно и плакатно румын Андрей Щербан и наиболее музыкально, человечно, но не без нервозности сделал это Ототмар Крейча.

Спектакль выстроен по законам музыкальной сонаты. Все его действия являют собой четыре части — разноголосые, грустные, но не раз озаряющиеся неожиданными всплесками радости, гнева, надежды. Главные ноты в руках у Раневской, которую играет прославленная Мария Томашова. Странное впечатление остается от ее игры. Очевидное стремление сыграть свою героиню обыкновенной и совсем простой женщиной наталкивается на поэтичность этой чеховской роли. Что-то тут не так...

Боже мой, да где ж сам-то вишневый сад? На сцене видишь только «многоуважаемый шкаф», деревянные стены, стулья да две старинные люстры... Спектакль вовлекает глубже и глубже, и, когда начинает звучать музыка, на деревянных стенах появляется цветение вишневых деревьев.

И поэтому в трагическом акте продажи вишневого сада на сцене — иные солисты. Соната не сбивается с ритма, но хозяева здесь Лопахин и Петя Трофимов.

Лопахин одареннейшего Яна Гартла — скоре, мальчишка — купчишка, у которого

страсть к деньгам явно борется со страстью быть добрым и любимым (может быть, он тайно влюблен в Раневскую — но это, похоже, так и остается загадкой спектакля). Блистательный его танец, постепенно переходящий в удивительную по красоте мизансцену, когда он в немыслимой позе поддерживает, как раненую птицу, падающую Раневскую, — один из самых сильных эпизодов спектакля. Пока люди еще способны на такую поддержку друг друга, то, может быть, не все потеряно и у России.

Неожиданен и Петя Трофимов (Ототмар Крейча-младший). В нем светится чеховская мечта о будущей счастливой жизни людей. Только мечта эта наделена некоей иронией студента, да еще бессребреника.

«Все чеховские финалы заканчиваются вопросами. И нашим интересом: почему именно такой финал, а не другой? — писал когда-то Ототмар Крейча. — Чехов волнуется нас тем, что никогда и нигде не дает окончательного ответа. Он не знает его. Не знает, потому что этого ответа не существует».

Возможно, так оно и есть. Но сам-то Крейча нам этот ответ подсказывает. Из этого уже разрушенного дома, где остается всеми забытый Фирс и где только стены еще хранят тепло воспоминаний, люди должны уходить если не друзьями, то и не врагами. Мудрость художника, и поныне живущего непросто, указывает ему на единственную надежду России — Раневскую, Лопахина, Трофимова, — таких всех разных, но все-таки близких друг другу.

Константин МУХИН.
Фото Владимира СУВОРОВА.